
РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Постпереходные варианты политического и экономического развития стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза¹

Я. ДРАХОКУПИЛ

Вниманию читателя предлагается перевод обзорной статьи по трем монографическим сборникам, вышедшим в Великобритании в 2007 г. и представляющим большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами социально-экономической трансформации постсоциалистических стран [Drahokoupil 2009].

Ключевые слова: постпереходное развитие, социальное неравенство, класс, режим, система.

Введение

Несмотря на растущий ажиотаж среди желающих разыграть политическую карту в странах советского блока, академический интерес к проблемам постпереходного развития явно угас. Однако тем, кто не поддался общему настроению и сохранил свой интерес, вряд ли придется сожалеть, поскольку нерешенных исследовательских задач в этой проблемной области теперь хватит на всех. Постпереходные экономики и общества начала 2000-х годов имеют мало общего с тем, что изучали «транзитологи» десять лет назад. Сегодня речь идет о сложившихся социальных и экономических образованиях, которые предопределили развитие рассматриваемых стран на несколько лет вперед [Greskovits 2003].

В настоящей статье будут рассмотрены три научных сборника, которые содержат наиболее характерные работы по проблемам постпереходного развития восточноевропейских стран и республик Советского Союза, а именно: анализ характера и причин социального неравенства и человеческих страданий, классовообразование и связь классов с уровнем демократии в государстве, политическая экономия зависимого развития стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), исследование политического капитализма, государственного капитализма и хищнического режима в Советском Союзе и т. д. Однако, несмотря на то, что упомянутые сборники охватывают более широкий спектр актуальных про-

¹ Обзор по трем сборникам [TOSS 2007; VOCIP 2007; BVOC 2007].

блем (как, например, в «BVOC»), в данной статье обсуждается вклад этих работ преимущественно в понимание политики и политической экономии Восточной Европы и СССР. Для изучающих проблемы посткоммунистического развития также полезными могут оказаться главы по Кубе, Северной Корее, Китаю и другим посткоммунистическим странам Африки и Восточной Азии в работах «VOCIP» и «TOSS».

Развивая теоретический подход, согласно которому в мире существует несколько типов капитализма, сборник «BVOC» обеспечивает необходимую концептуальную базу для аналитических работ, содержащихся в двух других книгах. Утверждается, что экономические системы различны по своему содержанию и не существует единого, универсального способа достижения конкурентоспособности в условиях глобализации. Связанные между собой институциональные подсистемы задают векторы политического и экономического развития. В свою очередь, разумное смешение дополняющих друг друга институтов может обеспечить «сравнительные институциональные преимущества» для существующих в соответствующей среде фирм. Ключевые идеи данного подхода сформировали не только аналитический инструментарий и основную парадигму в компаративистской политической экономии западных обществ, но и развеяли господствовавшее до сих пор заблуждение в том, что единственно возможной моделью капитализма является англо-саксонская, в том числе для европейских экономик. Так, если «либеральная рыночная экономика», примерами которой являются экономики США или Великобритании, обеспечивает преимуществами «радикальных инноваторов», то «регулируемая рыночная экономика», ведущим примером которой является экономика Германии, конкурирует на глобальном рынке преимущественно за счет «поэтапных инноваций». В частности, теория многообразия капиталистических систем лежит в основе большинства работ, представленных в сборнике «VOCIP». Однако довольно неожиданно практически все авторы сборника пришли к выводу, что этот подход недостаточно хорошо объясняет происходящее в посткоммунистических странах. Сам факт его использования для демонстрации собственной ограниченности свидетельствует о том, насколько сильными являются его принципиальные положения. И все же анализ сюжетов стран ЦВЕ сквозь соответствующую парадигму не только проливает свет на политическое и экономическое многообразие региона, но и делает ясными ее реальные ограничения, а также обозначает направления для дальнейших исследований.

В данной статье предполагается рассмотреть наиболее существенные результаты исследований, посвященных анализу политических и экономических сюжетов, а также сюжетов человеческого развития. Затем будут представлены работы по проблемам формирования классов. Отметим, что эти работы содержат весьма любопытные идеи о связи между классовообразованием и уровнем развития демократии. Так, если в России развитие демократии сдерживается из-за отсутствия класса самостоятельных (независимых от государственной бюрократии. – *Прим. пер.*) собственников, то в странах ЦВЕ причинами буксующего демократического процесса являются скорее отсутствие солидарности среди рабочего класса и слабо развитое рабочее движение. Специальный раздел ста-

ты посвящен преимуществам и недостаткам гибридных и стейтистских режимов Восточной Европы и Центральной Азии, а также анализу разнообразия капиталистических систем стран ЦВЕ. И наконец в заключительной части принята попытка выделить наиболее перспективные направления дальнейших исследований в данной области, а также указать на действующие ограничения и возможности, которые свойственны упомянутому подходу.

Социальное неравенство и человеческие страдания

Масштабный экономический спад, который последовал за развалом Советского Союза, привел к колоссальным человеческим потерям. Работа Л. Кинга и Д. Стаклера, опубликованная в сборнике «TOSS»², обращает наше внимание на рост смертности, который был сопряжен с процессом трансформации. В большей степени это коснулось стран, принадлежащих к так называемому «поясу смертности», куда вошли Эстония, Украина, страны Центральной Азии и особенно Казахстан. В некоторых из этих государств ожидаемая продолжительность жизни сократилась на 6 лет за первые десять лет реформ. Если бы уровень смертности с 1989 г. оставался неизменным, то, по подсчетам ученых, странам удалось бы спасти более 3,2% человеческих жизней. И несмотря на рост ВВП, который наметился в большинстве стран к 1995 г., в России и некоторых других государствах рост смертности не прекращался. Основными причинами преждевременной смерти людей стали болезни, вызываемые стрессами: сердечнососудистые заболевания, алкоголизм, а также насилие и самоубийство. С другой стороны, во вводной статье к сборнику «TOSS» Д. Лэйн отмечает, что страны советского блока, в отличие от более развитых капиталистических стран, достигли больших успехов по части перераспределения растущего ВВП на нужды здравоохранения и образования. Об этом, в частности, свидетельствуют высокие показатели индекса человеческого развития ООН (ИЧР), опережающие уровень развития самих постсоветских экономик³.

С развалом системы государственного социализма лишь странам ЦВЕ, Кубе и Китаю удалось улучшить (или по крайней мере сохранить) свои позиции по уровню человеческого развития. В странах СССР показатели ИЧР в целом сократились. В большинстве переходных стран (Китае, России, Венгрии и в особенности Польше) успехи государства по перераспределению национальных ресурсов для роста благосостояния, однако, стали менее заметными. Определенный рост заметен лишь в Кубе, Болгарии и Румынии. В связи с этим необходимо отметить, что особая методология, которой пользуется Лэйн и в основе которой лежит сравнение уровней человеческого и экономического развития, с определенными оговорками позволяет раскрыть сущности и социальные свойства различных политических и экономических систем, а также их трансформа-

² Перевод этой работы см. [Кинг, Стаклер. 2007].

³ Этот составной показатель включает в себя ожидаемую продолжительность жизни, уровень грамотности взрослого населения, количество учащихся в заведениях начального и среднего образования и ВВП, рассчитываемые на душу населения.

ции в целом. Тем не менее данная методология оказывается непродуктивной при исследовании возникающего разнообразия капитализма. Так, прямое сопоставление социальных затрат между двумя государствами показывает только то, что значительное сокращение расходов на социальные нужды, которое имело место в Венгрии и Польше, было сопряжено с развитием более эффективной, по сравнению с Болгарией и Румынией, системы социальной защиты [Vaughan-Whitehead 2003]. Другими словами, при сравнении стран с одинаковым уровнем экономического развития для посткоммунистических государств по-прежнему характерны более высокие затраты на социальную поддержку населения [EBRD/WB 2007]. Согласно «TOSS», несмотря на чрезмерно щедрое финансирование национальной медицины в постсоциалистических странах качество услуг здравоохранения серьезно ухудшилось. Замедление роста ожидаемой продолжительности жизни было вызвано резко возросшим неравенством по здоровью. В Эстонии, например, уровень смертности упал среди высокообразованной части населения и в то же время заметно увеличился среди лиц, имеющих образование не выше среднего. В Польше предоставление медицинских услуг на платной основе привело к резкому росту смертности в группах с низким уровнем дохода [Watson в TOSS 2007]. Увеличение числа человеческих потерь на фоне таких явлений, как общий экономический спад, резкое сокращение социальных расходов, коллапс государства, коммерциализация социальных услуг населению в условиях растущего неравенства, не представляется чем-то неожиданным. Тем не менее Кинг и Стаклер в своем исследовании стремились подчеркнуть тот факт, что причиной резкого роста смертности мог стать особый вариант трансформационной политики государства, в частности массовая приватизация.

Неравенство возросло по всей территории СССР. Его масштабы в небольших государствах Центральной Европы (за исключением Польши), Узбекистане и Белоруссии вполне сопоставимы с уровнем неравенства в западных странах (коэффициент Джини менее 30). Высокое неравенство (коэффициент Джини более 40) характерно для таких стран, как Россия, Туркменистан, Китай и Куба. Согласно исследованию, проведенному Н. Мэннингом [TOSS 2007], главным источником резкого роста неравенства и бедности в России стали колоссальные различия в доходах населения. Российская элита сконцентрировала у себя значительную часть национального богатства, в то время как средний класс остается довольно слабым и малочисленным. И несмотря на то, что рост неравенства несколько замедлился в начале 2000-х годов, основная часть населения до сих пор пребывает в состоянии бедности. При этом, оппонировав общепринятым убеждениям, Мэннинг утверждает, что такой уровень неравенства не является препятствием для экономического роста в России, поскольку его основным источником является мощный сырьевой экспорт, малочувствительный к неравенству внутри страны. Тем не менее различие в формах и характере неравенства, которое возникает в разных политических и экономических системах, указывает на то, что политические решения довольно значимы и могут иметь далеко идущие последствия [Mykhnenko в VOCIP 2007].

В «TOSS» С. Уайт, Р. Шмидт и Д. Лэйн показывают, что рост неравенства и увеличение человеческих страданий стало основной причиной возникновения ностальгии по советскому времени, охватившей население постсоциалистических стран. Глава, подготовленная Уайтом, содержит результаты представительного опроса, которые свидетельствуют о том, что только в Белоруссии большинство населения положительно относится к системе, сложившейся в стране к 2006 г. С другой стороны, в России и на Украине люди предпочли бы более «более демократичную советскую систему» [White в TOSS, p. 48]⁴.

Классообразование и становление демократии

Как справедливо утверждает Лэйн [TOSS 2007], в исследованиях по проблемам посткоммунистической трансформации доминировали подходы, в основе которых лежит изучение поведения элиты. В самом деле, в начале 1990-х годов «одиноким реформаторам» действовали в значительной степени независимо от главных социальных сил, способных влиять на вектор развития [Greskovits 1998]. Тем не менее, как предвидели сами реформаторы [Balcerowicz 1994], время подобных возможностей продлилось недолго. Спекуляции о том, кто сформирует новый класс собственников, были преждевременными даже на момент выхода известной работы «Making Capitalism without Capitalists», в которой были детально разобраны проблемы становления правящих классов в посткоммунистических странах [Eyal, Szelenyi, & Townsley 1998, Ch. 5]. Лишь спустя десять лет станет очевидно, кто вышел победителем в результате трансформации. Массивная экономическая экспансия иностранного капитала в странах ЦВЕ сопровождалась активным вовлечением в процесс управления транснациональными корпорациями (ТНК) местной элиты [King в BVOC 2007]. К великому сожалению, значение, которое могла иметь эта «компрадорская стратегия» [Eyal, Szelenyi, & Townsley 1998, p. 142] для экономики и внутреннего политического устройства соответствующих стран, не рассматривается ни в одном из разделов книги [Drahokoupil 2008]. В России правящий класс представляет собой «сети патрон-клиентских отношений» между государством и «паразитирующими финансово-промышленными группами» [King в BVOC 2007; Shkaratan в TOSS 2007; Hanson & Teague в VOCIP 2007]. По наблюдениям Кинга, к концу 1990-х годов более 50% национального продукта выпускалось 10 объединенными бизнес-группами, находящимися под контролем олигархов высшего звена, тесно связанных с высокопоставленными государственными чиновниками. За свою недолгую историю российский капитализм породил самое большое количество миллиардеров после США и Японии. В еще меньшей степени самостоятельными (при этом не менее коррумпированными) являются бизнес-сети в Казахстане, где президент напрямую контролирует самые крупные предприятия [Charman в VOCIP 2007]. Наконец, в своем исследовании на примере Грузии Кристофи демонстрирует, как экономический спад на всем постсоветском пространстве привел к формированию рентоориентированного

⁴ Перевод сходной статьи по сходной тематике [Уайт, Макаллистер 2008].

политического класса, существующего за счет присвоения чужого богатства [*Christophie* в *BVOC* 2007].

Для того чтобы принять в расчет системные различия между тем, что Кинг называет «либеральным зависимым капитализмом» в странах ЦВЕ, и «патримониальным капитализмом» в остальных постсоциалистических странах, он, как и его коллеги-редакторы «*BVOC*», обращается к теории элит. Согласно этому подходу, в странах ЦВЕ, где в какой-то мере происходило последовательное обновление элит⁵, номенклатура – правящий класс, включавший директоров предприятий – была смещена «просвещенными технократами» из состава коммунистической партии и оппонировавшей коммунистам интеллигенции. В России же «Ельцин предпочел подстроиться под директоров предприятий и навязать шоковую терапию сверху» [*King* в *BVOC* 2007, р. 318; *Shkaratan* в *TOSS* 2007]. В соответствии с представлением о политическом капитализме номенклатура, руководившая реформами, в первую очередь стремилась обеспечить свое собственное воспроизводство и закрепила свое положение в качестве элиты, конвертировав политический капитал в экономический. Другими словами, она использовала свой административный ресурс для захвата частной собственности, «породив «патримониальную систему», в которой экономический контроль... осуществляется номенклатурой и внутренними производителями через сети патрон-клиентских отношений» [*Hancké, Rhodes, Thatcher* в *BVOC* 2007, р. 35].

Однако Лэйн пытается оспаривать подобные рассуждения (см. «*TOSS*»). Он считает, что теория элит не дает адекватного объяснения политическим решениям, которые реально принимают правящие группы. Вместо этого он исследует связь между классовой позицией (класс как род занятий) и идеологической ориентацией. Однако, несмотря на то что ему удалось показать, что капиталистическая система широко поддерживается населением и в России, и на Украине, Лэйн практически не упоминает о механизме смены режимов, не говоря уже о многообразии политико-экономических исходов. В то же время его критический подход имеет под собой вполне определенные основания: структурные ограничения и стимулы могут быть хорошим объяснением предпочтений и стратегий поведения главных акторов, несмотря на их индивидуальные карьеры. И хотя структурные ограничения и стимулы в огромной степени формируются под воздействием переходных стратегий, они не являются прямым следствием решений, принимаемых реформаторами. Это подтверждает пример сравнения России и Чехии. Кинг рассматривает процесс растаскивания активов и формирования патримониальных сетей как следствие шоков спроса и предложения, которые имели место в результате резкой либерализации и массовой приватизации. Огромные налоговые потери, которые понесло государство из-за сокращения масштабов деятельности предприятий и развития бартерных отношений, привело к разложению бюрократии

⁵ Многие восточноевропейские социологи рассматривают этот процесс скорее как воспроизводство, а не обновление [*Hankiss* 1990; *Staniszki* 1991; *Machonin, Tuček, Nekola* 2006, р. 544]. На самом деле то, о чем пишет Кинг, в какой-то мере представляет собой перестановки, происходящие внутри элитных групп. Прямое применение теории элит в данном случае несколько не проясняет ситуацию [ср. *Szelenyi & Szelenyi* 1995].

тической природы государства. В Центральной Европе, где политические элиты в массе отказались от неолиберальных рецептов, массовая приватизация была применена лишь в Чехии. От ситуации, в которую попала Россия, ее спас лишь высокий приток прямых иностранных инвестиций [BVOC 2007, p. 325]. Однако Чехия представляет собой пример, противоречащий тезису о последствиях смены элиты. Несмотря на то, что чешская номенклатура потерпела поражение в той мере, в какой это имело место в Польше и Венгрии [Eyal, Szelenyi, Townsley 1998, p. 117–128], новая политическая элита Чехии зачастую демонстрировала поведение, сильно напоминающее то, которое было характерно для российского правящего класса [Myant 2003].

Несмотря на то, что их стратегия в большей степени сформировалась под воздействием структурных стимулов, а не номенклатурного прошлого, существование подобных патрон-клиентских группировок, по словам Кинга, серьезно вредит демократическим институтам и препятствует развитию демократии. В связи с тем, что в России отсутствует рациональное бюрократическое государство, собственники могут с легкостью лишиться своего имущества, если обеспечивающий их протекцию чиновник лишится своего кресла [King в BVOC 2007; Shkaratan в TOSS 2007]. В этих условиях выборы превращаются в формальность и не могут быть ни свободными, ни честными – настолько сильными являются стимулы заинтересованных сторон. Соответственно в главе о России О. Шкаратан пишет, что развал военно-промышленного комплекса и переход к экономике, ориентированной на сырьевой экспорт, привел к сокращению численности городского среднего класса – основных приверженцев правового государства и демократии. Кроме того, он дает четкое определение группе чиновников высшего и среднего звена, заинтересованных в воспроизводстве и сохранении деспотического государства. В массе своей эти группы представлены выходцами из номенклатуры, которые не только сохранили и преумножили свои привилегии, окружили себя значительным богатством, но и продолжают использовать свое положение для извлечения дальнейшей ренты.

Множественные факты начала 1990-х годов свидетельствуют о том, что классовая позиция оказывает все большее влияние на жизненные шансы, поведение и идеологические взгляды как в Восточной Европе [Lane в TOSS 2007, p. 59–61], так и в России [Manning в TOSS 2007]. В то же время вялость позиции рабочего класса превратилась в неотъемлемую черту восточноевропейского капитализма [King в BVOC 2007]. В своей главе Д. Ост и Р. Шмидт (в «TOSS») показывают, как идеологические и политические факторы обуславливают сложный процесс классовообразования (в том числе рабочего класса). Проанализировав пример Восточной Германии, Шмидт утверждает, что невнятность собственной позиции восточногерманских профсоюзов в этой стране затрудняется особенностями их функционирования – их деятельность не является скоординированной, а сами профсоюзы создаются вокруг отдельных предприятий, что препятствует образованию сильной внутриотраслевой кооперации. Восточные союзы всегда стремились быть на стороне работников с тем, чтобы сохранить как можно большее число рабочих мест и поддерживать преимущество по издержкам. Однако, несмотря на обобщения, которые делает Шмидт, проблемы

коллективного действия, вызванные региональной неоднородностью, являются если не более рациональным, то хотя бы равным по силе объяснением того сложного положения, в котором оказались германские рабочие, наряду с различиями в политической и социальной ориентации восточных и западных немцев.

С другой стороны, вряд ли есть смысл оспаривать то, что коммунистическое прошлое наложило особый отпечаток на идеологические взгляды трудящихся в Восточной Европе. Основываясь на данных долгосрочного обследования польских профсоюзов, Ост показывает, что роль классовой позиции как фактора, определяющего идеологические взгляды, образ и качество жизни, в значительной степени выросла, причем рабочему классу в этой новой системе отношений отводится место безнадежно проигравших. Это, однако, не привело к усилению левых настроений в Польше и развертыванию очередной классовой борьбы. Вместо этого, используя антикоммунистические настроения лидеров рабочего движения и отсутствие ощущения классовой принадлежности, «усилиями политических предпринимателей классовый гнев был умело трансформирован в националистический, религиозный и идеологический» [TOSS 2007, р. 82]. Таким образом, новоиспеченный рабочий класс стал продуктом популизма и нетерпимости. В то время как в большинстве исследований по переходному периоду проблемам классовообразования уделялось мало внимания, Лэйн утверждает [ссылаясь на *Luebbert* 1991], что политическая мобилизация классов жизненно необходима для становления и укрепления демократии. Ее альтернатива – мобилизация по идентичности, основанная на идеологической, этнической или какой-либо другой нетерпимости (например, ненависть к коммунистам, цыганам, евреям и т. д.), – не является демократической и может быть политически дестабилизирующей. И поскольку она направлена против отдельных граждан, а не против несправедливости системы в целом, постольку решения, которые эта мобилизация предлагает, не только разрушают государственность, но и попросту игнорируют проблемы, ставшие причиной подобной нетерпимости. Классовая же мобилизация политически всеобъемлюща и способствует решению «экономических вопросов, которые волнуют рабочих и представителей других, не принадлежащих к элите, групп» [Lane в TOSS 2007, р. 78].

Разнообразие капиталистического недоразвития

Начиная со всестороннего определения капиталистической системы, в своей главе в «VOСIP» Лэйн дает оценку тому, в какой степени посткоммунистические страны могут называться капиталистическими. Обнаружив, что практически для этих стран характерен более высокий уровень государственной собственности и экономического контроля по сравнению с западными странами, он делает вывод о том, что только в Словении, Эстонии и четырех странах Вышеградской группы удалось создать рыночную экономику, основанную на частной собственности и сравнимую с той, которая свойственна странам ОЭСР. Группа стран с рыночной экономикой включает, в том числе, Литву, Хорватию, Латвию, Румынию и Болгарию, где уровень государственного регулирования является чуть более высоким и более низкими являются уровни приватизации. Тем

не менее эти различия между странами нельзя считать значительными, поскольку фактически доля частного сектора в ВВП и прочие индексы приватизации в этих странах находятся на сопоставимых уровнях [EBRD 2007]. Политико-экономические системы, сложившиеся в России, на Украине, в Казахстане, Грузии, Туркменистане и Молдове, можно условно охарактеризовать как гибридный государственно-рыночный нерегулируемый капитализм, причем вполне допускается, что уровень приватизации экономики некоторых из этих стран может быть выше уровня приватизации некоторых восточноевропейских экономик. Ключевым же отличием от подлинного капитализма у этой гибридной формы является отсутствие необходимой психологической, социальной и политической базы. Исследования по отдельным странам эмпирически подтверждают некоторые заключения Д. Лэйна. О. Шкаратан («TOSS»), Л. Кинг («BVOC»), П. Хэнсон и Ю. Тиг («VOCIP») отмечают, что существование «тесных патрон-клиентских отношений между государственными чиновниками и их близкими друзьями-капиталистами» (Кинг) стало главной чертой государственного режима в современной России. Утверждается, что бизнес «необычайно зависит, если вовсе не подчиняется правительству» [Hanson, Teague в VOCIP 2007, p. 151]. По мнению Шкаратана, современному российскому обществу свойственна специфическая, некапиталистическая система ценностей, которая связана с принадлежностью к особой евразийской цивилизации, отличной от европейской и атлантической [TOSS, p. 141]. В Казахстане, как показывает Чермэн («VOCIP»), государство еще в большей степени, чем государственные бизнес-структуры, играет важную координирующую роль. В Грузии же государство вообще занимается тем, что разворачивает государство, вместо того, чтобы заниматься его регулированием [Christophie в BVOC 2007]. Наконец, в Узбекистане, Беларуси и Туркменистане вовсе сложились стейтистские режимы с элементами рыночной экономики. Они чрезвычайно зависимы от государства, которое играет руководящую роль, и в них практически отсутствует частная собственность.

Чему можно было бы научиться, изучив природу и оценив перспективы этих экономик, режимов и способов интернационализации? Используя идею о разнообразии капиталистических систем, Нелл и Шролек предприняли попытку систематизировать представления о разнообразии институтов и способах регулирования в различных посткоммунистических и развитых странах. Они показали, что среди постсоциалистических стран стратегическое регулирование свойственно лишь Белоруссии, Украине, Словении и Хорватии, в то время как Россия, Эстония и Армения представляют собой примеры либеральных экономик. Однако их анализ строится преимущественно на количественных показателях, проблема которых состоит в их малой доступности и применимости (в одних случаях одни показатели имеют значение, в других они могут его потерять вовсе). Поскольку все перечисленные случаи, за исключением Эстонии и Словении, оказались весьма далекими от моделей, условно называемых LME (либеральная рыночная экономика) и SME (регулируемая рыночная экономика), вряд ли у кого возникнет сомнение в ограниченности количественного подхода при анализе ситуации в отдельных странах.

Особое внимание при анализе стейтистских режимов в Восточной Европе и на территории Советского Союза во всех трех книгах уделяется, как правило, Белоруссии [Korosteleva в VOCIP 2007; Nuti в TOSS 2007]. Нехватка собственных природных ресурсов и отсутствие зависимости от сырьевого экспорта едва ли делает Белоруссию похожей на все остальные страны, принадлежащие к обозначенной группе [Lane в BVOC 2007]. Тем не менее блестящие экономические и социальные результаты, которых добилась Белоруссия, заставляют обратить на нее пристальное внимание. Негативные последствия переходной политики начала 1990-х годов, вызванные резким повышением цен, массовыми сокращениями, обесцениванием сбережений и падением реальных доходов наряду с разросшейся номенклатурой, стали причиной мобилизации социальных сил, приведших к власти народного лидера А. Лукашенко. Авторитарный режим, который установил в стране Лукашенко, позволил осуществлять регулирование экономики через административный контроль над ценами, выпуском продукции и внешней торговлей при отсутствии аппарата центрального планирования. При этом также были предприняты определенные шаги навстречу рынку и развитию самостоятельности предпринимательских решений, в результате чего цены на продукцию на внутреннем рынке практически сравнялись с ценами на международном рынке. Стимулирование экономики осуществлялось преимущественно методами монетарной экспансии, щедрым кредитованием с отрицательными ставками. Согласно наблюдениям М. Нути, Белоруссия достигла рекордных экономических показателей, обойдя многие страны СССР. Стране удалось достичь роста реального национального дохода при низком уровне безработицы и социального неравенства. Однако менее оптимистичное мнение было высказано главным экономистом одного из белорусских банков г-жой Коростелевой. Она обращает внимание на неэффективность белорусской экономики и, в частности, широко распространенную в Белоруссии проблему ликвидности, что, в конечном счете, ведет к неустойчивости экономического роста. Коростелева также отмечает, что в период 1999–2002 гг. в стране на 10% выросла бедность (которая при этом составляет 50% от российского уровня). И все же Нути находит, что путь, по которому сегодня движется Белоруссия, является «верным и не лишенным оснований»: он не приводит к существовавшим в советское время дефицитам, внутренние цены на товары не сильно отличаются от мировых, государственные предприятия довольствуются значительной автономией в принятии решений, в стране существует более или менее устойчивый доступ к энергии и сырьевым материалам по весьма привлекательным ценам (из России) [TOSS 2007, p. 222–223].

Государствам, относящимся к группе стран с гибридной экономикой в целом свойственно быть ориентированными на экспорт сырья. Эти страны слабо интегрированы в мировую экономику и имеют характерный низкий уровень внутренних инвестиций. Лишь для тех стран, существенную часть экономики которых занимает энергетический сектор, характерны высокие уровни иностранных инвестиций [Lane в VOCIP 2007]. Тем не менее внутри этой группы имеются сильные политические и экономические различия. Наиболее часто рассматриваемый случай, разумеется, представляет собой Россия. Основным звеном системы регулирования российской экономики являются объединенные

бизнес-группы, которые, как правило, включают финансовые центры, генерирующие потоки денежных средств, огромные добывающие предприятия, работающие на экспорт, средства массовой информации и т. д. Эти бизнес-группы тесно связаны с федеральными и региональными органами власти и представляющими их высшими государственными чиновниками [King в BVOC 2007; Shkaratan в TOSS 2007]. По утверждению Хэнсона и Тига («VOCIP»), после того, как в 1993 г. началась национализация ЮКОСа, произошла качественная трансформация российского олигархического капитализма. В результате этого процесса бизнес-группы были окончательно подчинены государству – время российских магнатов прошло. Подчеркивая значимость экономической роли правительства, Хэнсон и Тиг охарактеризовали современную Россию как веберийский политический капитализм, в котором право получения прибыли является привилегией политической администрации. И как бы ни была важна для российской политики атака на нефтяного гиганта, одним из главных заключений авторов является то, что данный случай вряд ли стоит рассматривать в качестве явления, конституирующего сущность трансформационных процессов в современной России. По мнению Шкаратана, подобные проявления со стороны государства имеют системный характер.

Анализируя происходящее в Казахстане, К. Чермэн («VOCIP») приходит к выводу, что в этой стране сложилась модель государственного капитализма, не похожая ни на модель развитых стран, ни на модель развивающихся азиатских стран. Не вводя административные ограничения на цены и торговлю, государство осуществляет прямой контроль над крупнейшими предприятиями, преимущественно в секторе добычи полезных ископаемых. Оно в разумных пределах регулирует деятельность бизнеса (в соответствии с принципами либеральной рыночной экономики), а также обеспечивает перераспределение ресурсов на нужды образования, здравоохранения и диверсификации промышленности. Так, Чермэн полагает, что подобная модель могла бы стать образцом развития для таких богатых ресурсами стран, как Азербайджан и Туркменистан. В то же время сравнительные показатели говорят против аргументов Чермэна: доля ВВП страны,ходящаяся на нужды здравоохранения и образования, по-прежнему остается достаточно низкой – ниже, чем в России [UN 2006; Cook 2007]. Исследование по Грузии, проведенное Б. Кристофи («VOCIP»), рассматривает случай хищнического правительства, сформировавшегося в стране после развала СССР. Грузинское правительство практически полностью отказалось от обязательств по обеспечению населения услугами образования и здравоохранения. При этом экономика имела значительные долговые обязательства перед другими странами. В условиях сознательно организованного правящей элитой хаоса государство занялось присвоением не принадлежащего ему по праву богатства. Нечто похожее имело место в Молдове, в которой безответственное поведение местных элит привело к значительным разрушениям в экономике. С другой стороны, в Армении – соседней с Грузией стране – после 1990-х годов можно было наблюдать стабильный экономический рост, не связанный с нещадной эксплуатацией природных ресурсов. К сожалению, ни в одной из глав рассматриваемых сборников этим различиям не уделяется достаточного внимания.

Типы зависимого капитализма

Потоки прямых иностранных инвестиций играли значительную роль в реструктуризации экономики восточноевропейских стран и их реинтеграции в международную рыночную систему. По мнению редакторов «VOCIP», в восточноевропейских странах (за исключением Словении) формирование внутреннего капитала шло медленными темпами. Они в большей степени зависели от ПИИ, чем страны с низким доходом. В своем исследовании по Польше и Венгрии Кинг («BVOC») утверждает, что либеральный зависимый капитализм может быть охарактеризован не только зависимостью от иностранных инвесторов, обеспечивающих кредиты и выстраивающих межфирменные отношения, но и слабостью рабочего движения, неэффективностью системы образования, отношениями между работником и фирмой, характерными для либеральных рыночных экономик. Однако он оставляет незатронутым вопрос о политико-экономической применимости этих свойств: «Капиталистический рост будет продолжаться, но он будет зависеть от инвестиционного поведения транснациональных корпораций (ТНК), кредитных решений иностранных банков, возможностей импорта промышленной продукции и капитала из, а также экспорта готовой продукции в развитые капиталистические страны» [BVOC 2007, p. 325]. Как показано в других главах, зависимый капитализм в Восточной Европе имеет различные формы. В рассматриваемых сборниках подробно описаны институциональные структуры и экономическая динамика в Эстонии, Польше, Чешской Республике и на Украине. К сожалению, практически неизученной в этом отношении осталась Юго-Восточная Европа.

Особый интерес у сторонников теории разнообразия капиталистических систем вызывают две страны ЦВЕ – Словения и Эстония. Помимо впечатляющих темпов роста, который продемонстрировали обе страны, в них также практически в идеальном соответствии с двумя типами рыночной экономики (либеральной, с одной стороны, и регулируемой – с другой) были созданы соответствующие институты [Feldmann в BVOC 2007; Buchen в VOCIP 2007]. Используя теорию продвижения и разрушения сетей, М. Фельдман предлагает убедительные аргументы в пользу возникновения разных типов капитализма в процессе трансформации. Он дает некоторое представление о микросновах двух режимов регулирования, а также о важности государственной стратегии в поддержке этих режимов. И все же опыт Эстонии скорее представляет собой пример разрушения «старой» системы и всецелой поддержки нового поколения акторов, как правило, иностранных инвесторов, пришедших, чтобы взять ситуацию под свой контроль. Удивительно, однако, что Фельдман игнорирует то, что Кинг в том же сборнике определяет как ключевую черту восточноевропейских «капитализмов»: зависимость от ПИИ в корпоративном управлении и межфирменных отношениях. И если в Словении этим можно пренебречь, поскольку участие иностранного капитала в экономике страны остается невысоким, уровень зависимости от прямых иностранных инвестиций Эстонии игнорировать нельзя. Для сравнения, К. Бучен считает, что активное присутствие иностранных компаний в Эстонии является отличительной чертой ее модели капитализма и выделяет ее из других стран с LME (либераль-

ной рыночной экономикой). Разница между корпоративным управлением, контролируемым транснациональными корпорациями, и корпоративным управлением, осуществляемым посредством фондового рынка, здесь, видимо, настолько принципиальна, что представляет собой «предмет дальнейших исследований». По мнению Бучена, Словения также далека от приписываемой ей идеальной модели СМЕ (регулируемой рыночной экономики). Так, в Словении инвестиционные фонды, частично находящиеся в государственной собственности, играют важную регулирующую роль в сфере корпоративного управления, более важную, чем банки в СМЕ. Однако специальное сопоставление функциональности этих институтов не проводится.

В то время как Фельдман анализирует исключительно институциональные формы, Бучен уделяет внимание экономическим последствиям. Анализируя ситуацию середины 1990-х годов, он показывает, что обе страны имели сравнительные преимущества в секторах, не требующих высоких затрат или специальной институциональной поддержки. Анализ данных о торговле с начала 2000-х годов раскрывает любопытные различия в сравнительных преимуществах между этими двумя странами. Так, если Словения специализировалась на продукции более крупных промышленных отраслей, как то транспортная индустрия, производство электрооборудования и резиновых изделий, то Эстония демонстрировала определенное отставание в этих секторах. Однако в Эстонии относительно хорошо развит телекоммуникационный сектор. Данные о динамике прямых иностранных инвестиций показывают, что Словения более успешно привлекала иностранный капитал в производственные секторы, тогда как в Эстонии основная часть инвестиций оседала в секторе услуг (финансовое посредничество и операции с недвижимостью). Это говорит о том, что институциональные структуры Словении и Эстонии фактически обеспечивают сравнительные преимущества компаниям, осуществляющим деятельность на их территории. До сих пор еще ничего не было сказано о том, какое место занимают эти страны в цепочке создания стоимости в соответствующих секторах. Соответствует ли характер экономической деятельности эстонских экспортеров поведению «радикальных инноваторов» в либеральной рыночной экономике? Насколько успешно словенская продукция конкурирует на мировом рынке и какова при этом роль «поэтапных инноваций» и институциональной поддержки, характерных для регулируемой рыночной экономики? Ответ на эти вопросы ведет к пониманию конкурентных преимуществ Эстонии и Словении, специфичности их экономических моделей (если таковая имеет место быть). И наконец, что еще более важно, это позволит оценить последствия появления подобных конкурентов для традиционных европейских экономик СМЕ и LME [Bohle 2008].

Как показывает в «VOCIP» и «BVOC» В. Михненко, экономическая экспансия на Украине и в Польше была связана с внедрением «смешанных рыночных экономик» или «слабых вариантов СМЕ». Путем сочетания рыночных и нерыночных форм регулирования государственное вмешательство компенсирует отсутствие заменяющих институтов в смешанной рыночной экономике [Molina, Rhodes в BVOC 2007]. Несмотря на заметно более слабый уровень регулирования экономики по сравнению с традиционными СМЕ и Словенией, в

Польше и на Украине многие институциональные структуры имеют определенное сходство с теми, что характерны для СМЕ. Как и в Словении, эти страны испытывают нехватку развитых финансовых институтов, или, попросту говоря, не имеют «достаточно развитой» банковской системы. В отличие от Бучена в случае со Словенией, Михненко не удастся подобрать адекватный по функциональности эквивалент, способный решить проблему слабой финансовой системы в обеих странах, из-за которого их экономики чрезвычайно восприимчивы к резким экономическим колебаниям. К сожалению, Михненко не рассматривает значение ПИИ для финансового сектора (как было предложено Бученом). В Польше ПИИ в сумме превышают внутренние кредиты и совокупную капитализацию компаний, котирующихся на фондовой бирже [EBRD 2006; UNCTAD 2007]. Иностранные банки контролируют более 70% рынка [EBRD 2006]. В то же время Украина в большей степени опирается на внутренние источники кредитования, чем на финансирование с помощью ПИИ. Несмотря на это, в течение последних двух лет иностранное участие в украинских банках росло довольно быстрыми темпами [EBRD 2007].

Загадку польской «ловушки бедности» Михненко пытается разгадать, также используя концепцию многообразия капиталистических систем. В «VOCIP» он говорит о том, что менее высокие показатели бедности и неравенства на Украине по сравнению с Польшей вызваны несовершенством польской системы социальной защиты в Польше, которая должна дополнять регулируемый продуктовый рынок (аналогично регулируемому рынку труда на Украине). И все же украинская система социальной защиты имеет свои пределы и, в частности, не способна защитить страну от безработицы, характерной для модели регулируемого капитализма. Однако существуют серьезные сомнения по поводу обоснованности тезиса о «ловушке бедности». Несмотря на то, что различия в уровне безработицы между двумя странами свидетельствуют в пользу утверждения Михненко, уровень бедности на Украине все же выше, чем в Польше [WB 2003; EBRD 2001, 2007]. При переходе к сравнению экономических показателей обеих стран очевидной становится ограниченность теории разнообразия капиталистических систем. Как Польша, так и Украина имеют сравнительные преимущества в низко- и все в большей степени среднетехнологичном производстве. Однако Михненко утверждает, что между двумя странами отсутствуют значимые различия в структуре и уровне подготовки научных кадров, а также технических специалистов, и это не объясняет причины их сравнительных преимуществ. Таким образом, не совсем понятно, какие именно институты, свойственные тому или иному типу капитализма, имеют наибольшее значение в микроэкономической перспективе. Как заключает сам Михненко, «не было обнаружено никакой особой связи между институциональным устройством двух экономик и их сравнительными преимуществами в торговле или промышленной специализации» [VOCIP 2007, p. 136].

Согласно М. Маенту, применимость концепции разнообразия капиталистических систем при анализе моделей зависимого капитализма в Восточной Европе вызывает сомнение [VOCIP 2007]. В частности, спорно рассуждение относительно (непроверенного) предположения о том, что между внутренними институтами и существующими сравнительными преимуществами соответствующих

экономик есть определенная связь. По мнению Маента, национальные экономические институты не играют значительной роли, когда речь идет об экономике в целом. Так, в Чешской Республике связь между банками, фондовым рынком и предприятиями не имеет значения. В то время, как внутренняя финансовая система страны не представляет серьезного интереса для иностранных компаний, чешские предприятия имеют весьма ограниченный доступ к финансовым ресурсам. Не спасает их положение даже возможность дополнительной эмиссии акций. В связи с этим сосуществование институциональных элементов, характерных для идеальных типов различных капиталистических систем, не представляет особой проблемы. Степень интернационализации, считает Маент, делает бессмысленным определение стран в дихотомии LME/СМЕ. В реальности режимы регулирования национальной экономики зависят от стратегий, которые выбирают расположенные в стране филиалы ТНК. Экономическая конкурентоспособность и перспективы страны сильно зависят от иностранных инвестиций. В «TOSS» Маент более тщательно изучает конкурентоспособность Чехии. Не ограничиваясь статистикой учета экспорта, он старается более точно определить относительные преимущества Чехии. Стране удалось развить конкурентные преимущества в автомобильной промышленности и электронике – секторах, требующих высокого профессионального мастерства и специальных рабочих навыков. Однако, несмотря на это, иностранные инвестиции осуществляются преимущественно в секторы, не требующие высоких навыков, и Чехия на уровне 67% от средневропейской производительности по-прежнему зависит от дешевизны своей рабочей силы. Машиностроение ограничивается производством небольших и дешевых автомобилей и не демонстрирует высокой производительности. В последнее время наметилась тенденция в сторону расширения секторов, предоставляющих высококачественные услуги, однако очевидная нехватка профессионалов в стране не дает поводов для оптимизма.

Наконец, Шмидт попытался проанализировать политико-экономическое содержание, которое приобрели западногерманские институты в Восточной Германии. В «VOCIP» он утверждает, что представляет собой лишь формальную копию модели СМЕ. Импортированные институты работают не так, как от них ожидалось, поскольку у них нет необходимой политической и экономической базы. В то время, как экономика Западной Германии опирается на крупные корпорации, обеспечивающие широкие возможности для представления интересов работников в системе управления, в Восточной Германии доминируют малые и средние предприятия, управляемые скорее предпринимателями, чем менеджерами. Небольшие предприятия в меньшей степени опираются на интересы рабочих и не склонны к участию в системе коллективных переговоров. Более того, конкурентное преимущество восточногерманских малых предприятий зачастую связано с плохими условиями труда. Учитывая склонность восточногерманских профсоюзов идти на поводу у руководства предприятий [*Schmidt* в TOSS 2007], можно утверждать, что в Восточной Германии нет достаточных социальных сил, способных поддержать внедрение рейнской модели управления экономикой. Объединение Германии стало основной причиной либерализации ее экономики, в первую очередь из-за возросшей зависимости от финансового капитала.

После посткоммунизма

В рассмотренных трех сборниках ощущается значительная нехватка теорий о посткоммунизме. Идея о том, что особое положение, в котором оказались посткоммунистические страны, объясняется зависимостью пути развития от некогда господствовавшей в них системы государственного социализма, является недостаточной для полного понимания разнообразия сложившихся на постсоветском пространстве политико-экономических образований. «Переходная парадигма» [см., напр. *Dobry* 2000], основное внимание в которой уделялось «вариантам спасения» от государственного социализма [*Stark, Bruszt* 1998], постепенно утратила свое значение в качестве политической экономии современной Восточной Европы и стран СССР.

Подобные выводы не представляют проблем, если речь идет о рыночных экономиках стран ЦВЕ. Несмотря на преобладающую точку зрения, их капитализм можно оценить скорее как «зависимый», чем посткоммунистический. Так, в «BVOC» Кинг категорически отвергает тезис о «рекомбинированной собственности» как основной черте специфических межфирменных отношений в постсоциалистических странах [BVOC 2007, р. 312]. В «VOCIP» Маент показывает, что особый постсоциалистический капитализм, сложившийся в Чехии, в конце 1990-х годов доказал свою нежизнеспособность и был заменен зависимым «европейским» капитализмом, который сегодня доминирует по всему постсоветскому пространству. В «TOSS» Ост утверждает, что слабость профсоюзов является характерной чертой постсоциалистических стран, унаследованной со времен государственного социализма. Тем не менее последние исследования показывают, что этих объяснений недостаточно для того, чтобы дать более полное представление о том, какие социальные силы определяют процессы классообразования в рассматриваемых странах [*Vanhuysse* 2006; *Bohle, Greskovits* 2006].

С точки зрения гибридных и стейтистских режимов в Восточной Европе и Центральной Азии игнорирование социалистического прошлого и переходной парадигмы является неуместным. Предположение о том, что Россия проиграла от реформ, а страны ЦВЕ получили значительное преимущество, представляет О. Шкаратан (в «TOSS»). Он объясняет это фундаментальными различиями в культуре и расхождением траекторий исторического развития. Так, например, культура рыночных отношений, способность к самоорганизации в большей мере свойственна представителям центральноевропейских стран, чем русским. Однако, как показала дискуссия о номенклатуре, развернувшаяся на страницах «BVOC», категоричность подобных заявлений может ввести в заблуждение. Вторым основным утверждением, объясняющим многообразие форм политико-экономического устройства постсоциалистических стран, является то, что многие из них унаследовали прежние государственные формы и промышленную инфраструктуру, не говоря уже о территориальном устройстве некоторых государств [*Lane* в VOCIP 2007; *King* в BVOC 2007]. Но и этого недостаточно для полного понимания причин и механизмов воспроизводства политического капитализма, государственного капитализма и хищнических режимов в постсо-

циалистическом мире. Рассмотренные выше исследования, безусловно, раскрывают многие причины возникновения этих режимов и предлагают методы их дальнейшего изучения. Однако рассмотренные концепции по-прежнему имеют преимущественно описательный и несистемный характер.

Так, необходимо выявить действительные различия в способах регулирования политического капитализма в России и Казахстане. Государственная система, сложившаяся в Казахстане, отличается от теоретически приписываемой ей формы «государства развития», однако альтернативных способов ее описания так и не было предложено [Charman в VOCIP 2007]. При анализе российского случая весьма популярны веберовские идеи «политического капитализма» [Hanson, Teague в BVOC 2007]; при этом их теоретический потенциал и способность объяснять политические и экономические явления, имеющие место в современной России, до конца так и не реализованы. При оценке перспектив развития соответствующих экономик в целом и объяснении экономических успехов Казахстана в частности могло бы оказаться полезным теоретическое обоснование форм государственного устройства. Кроме того, мы до сих пор мало знаем о причинах фундаментального различия в роли государства в России и Казахстане. Связано ли это с различиями в социальном устройстве центральноазиатских государств [см. Collins 2006]? Аналогичный круг вопросов требует рассмотрения при более тщательном анализе ситуации в Грузии и на Украине. И наконец, очевидная связь между зависимостью от природных ресурсов, политическим капитализмом и формой российской социальной стратификации должна быть оформлена теоретически [Hanson, Teague в VOCIP 2007; Shkaratan, Manning в TOSS 2007].

На пути к различным вариантам капитализма?

В связи с тем, что постпереходный анализ гибридных и стейтиских режимов пока еще не приобрел законченной теоретической формы, образовавшийся на месте переходной парадигмы теоретический вакуум заполнила концепция, согласно которой, в мире возникают разные формы капитализма. На основании этого были выработаны теоретические обоснования и аналитический инструментарий, способный развить понимание политико-экономической трансформации стран ЦВЕ. Он может быть применен для анализа экономических последствий функционирования институтов, изучения возможных связей между внутренними механизмами регулирования и характером интеграции в мировое экономическое пространство, а также для понимания роли, которую играют во всем этом комплементарные институты. В то же время рассматриваемые исследования показали, что механическое применение такого подхода к анализу действительности имеет свои пределы.

Во-первых, природу сравнительных конкурентных преимуществ нельзя полностью объяснить с помощью тех институциональных конфигураций, которыми оперирует теория разнообразия капиталистических систем [Mykhnenko, Myant в VOCIP 2007]. Учитывая, что экономическая динамика в регионе во многом определяется активностью транснациональных корпораций, для кото-

рых внутренняя институциональная база не имеет большого значения, вполне вероятно такая ситуация, при которой один из институтов «определяет конкурентные преимущества страны». Это объясняет, почему столь необходимы дополнительные исследования реальных стратегий, которыми пользуются фирмы в процессе конкуренции [Schmidt в VOCIP 2007]. Во-вторых, как показывает ситуация, в которой слабость рабочего движения сочетается с более сильной корпоративной структурой [Ost в TOSS 2007; King в BVOC 2007], экономические и социальные последствия нельзя объяснить исключительно институциональными формами. В этих случаях необходимо провести дополнительный исторический анализ. В-третьих, нельзя принимать как данность то, что сравнительные преимущества отдельных компаний на самом деле являются институциональными. Еще никому не удалось найти убедительные доказательства того, что успешность некоторых компаний связана с их умением использовать те возможности, которые предоставляет институциональная среда. Таким образом, вопрос о способности теории разнообразия капиталистических систем не просто устанавливать причинно-следственные связи, но и объяснять их, представляет собой перспективу будущих исследований. Действительно ли только дешевый труд и условия для легкого и быстрого обогащения привлекают иностранных инвесторов, или все же речь идет о специфической институциональной среде? Относительные сравнительные преимущества отдельных стран могут быть вызваны структурными, а не институциональными факторами [Greskovits 2005]. Относительно устойчивой институциональной структуры, обеспечивающей условия для накопления капитала, может оказаться вполне достаточно для того, чтобы навсегда закрепить положение страны на периферии мирового развития. И наконец, учитывая зависимость ведущих отраслей от транснациональных корпораций, можно предположить, что ключевые механизмы регулирования в экономике будут в меньшей степени полагаться на внутренние институты и в большей – на стратегии и институциональные возможности ТНК [Nölke, Vliegenthart 2007].

Альтернативы

Теоретические подходы, собранные в трех книгах, весьма характерно представляют направление современной академической мысли в обозначенной области. Тем не менее очевидно, что литература по проблемам развития постсоциалистических стран этими работами не ограничивается. Что касается исследований разнообразия капиталистических систем в Восточной Европе, то вполне плодотворным представляется объединение двух альтернативных подходов. Так, в работе [Nölke, Vliegenthart 2007] авторы пришли к выводу о том, что транснациональные капитализмы в Восточной Европе не укладываются в привычные модели LME/СМЕ. Наоборот, они формируют новый, третий вид экономики капиталистического типа со специфическими механизмами регулирования и особой системой сравнительных преимуществ – так называемые зависимые рыночные экономики (DME). В таких экономиках стратегии и внутреннее устройство транснациональных корпораций в большей мере, чем внутренние институ-

ты, определяют механизмы регулирования и сравнительные преимущества страны. Таким образом, исходя из необходимости выявления источников этих сравнительных преимуществ, теория зависимых рыночных экономик главным объектом своего анализа ставит транснациональные корпорации. С другой стороны, этому подходу не хватает той вариативности социально-экономических моделей, которую способна обеспечить теория разнообразия капиталистических систем. Кроме того, в такой теоретической конструкции ТНК фактически представляет собой черный ящик, внутреннее устройство которого скрыто от внимания исследователей.

Изучение стратегий распространения ТНК в Восточной Европе позволило выявить три различных типа капитализма в странах ЦВЕ: неолиберальный – характерный для балтийских государств; встроенный неолиберальный – характерный для стран, входящих в Вышеградский союз; и неокорпоративистский тип в Словении [Bohle, Greskovits 2007]⁶. Такая классификация, безусловно, обогащает результаты анализа, полученные при применении теории разнообразия капиталистических систем. Отличительной чертой полученных выводов, однако, является то, что фактические различия в конкурентных преимуществах между тремя моделями, сформировавшимися в середине 1990-х годов (и связанными с преимущественным экспортом продукции определенного сектора), объясняются скорее структурными факторами, чем различием институциональных систем.

И все же не стоит пренебрегать таким фактором, как внутренние институты. Анализ инвестиционных решений о размещении того или иного производства позволяет объяснить то, где и как происходит формирование промышленных кластеров. Однако способность этих производств справиться с вызовами технической модернизации, перейти от модели роста, зависящего от инвестиций, к модели роста, зависящего от инноваций [Porter 1990; Lopez-Claros, Porter, Schwab, Sala-i-Martin 2006], во многом обусловлена тем, как будут функционировать внутренние институты. Поэтому так важно заглянуть внутрь черного ящика и понять механизмы, управляющие транснациональными корпорациями, установить связь между их функционированием и функционированием внутренних институтов.

Заключение

Все три сборника представляют собой полезный и интересный обзор политического и экономического развития Восточной Европы и государств на территории СССР. В основе сборников лежат результаты блестящих исследований, охватывающих множественные аспекты развития региона. В то время как описание политико-экономического развития стран СССР зачастую не сводилось к какой-либо единой парадигме, практически все работы по Восточной Европе были выполнены в едином теоретическом русле, согласно которому капитализм

⁶ Исследование сравнительных преимуществ в большой степени основано на анализе материалов экспортной статистики. Таким образом, оно страдает теми же «болезнями», что и любое исследование, выполненное в духе теории разнообразия капиталистических систем [ср. Myant в VOCIP 2007].

может принимать различные формы. Анализ этих работ показал, что такой подход может оказаться полезным для понимания политико-экономического разнообразия в Центрально-Восточной Европе при условии, что он используется в качестве отправной точки для анализа и не ограничивает исследователя своими методологическими предписаниями, не делает его заложником имеющегося в нем ограниченного набора теоретических конструкций. На сегодняшний день сформировался круг вопросов, которые представляют вызов для следующего поколения исследований. Основная часть этих вопросов связана с неизученностью источников сравнительных преимуществ в постсоциалистических странах: Является ли исчерпывающей информация об отраслевой структуре экспорта? Необходим ли всесторонний институциональный подход? Имеют ли сравнительные преимущества институциональное или структурное происхождение? Кроме того, тщательного изучения заслуживает вопрос о значении институциональных форм и функциональной заменимости отдельных институтов.

По словам Кинга и Михненко («BVOC»), капитализм, сложившийся в Восточной Европе, невозможно понять, если рассматривать его как некое уникальное явление. Институциональные формы капитализма в Восточной Европе необходимо анализировать, учитывая характер их интеграции в мировое экономическое пространство. В этом случае стратегии транснациональных корпораций и иностранных банков будут основными элементами, конституирующими национальные конкурентные преимущества. В связи с этим аналитический инструментарий теории разнообразия капиталистических систем должен стать частью транснациональной политической экономии. Это позволит заглянуть внутрь черного ящика транснациональных корпораций и лучше понять их роль в формировании модели развития национальных экономик.

Литература

- Кинг Л., Стаклер Д. Массовая приватизация и рост смертности в посткоммунистических странах // Мир России. 2007. № 3.
- Уайт С., Макаллистер А. Беларусь, Украина и Россия: Восток или Запад? // Мир России. 2008. № 4
- Balcerowicz L. Democracy is no Substitute for Capitalism // Eastern European Economics. 1994. № 32 (2).
- Bohle D. Race to the Bottom? Transnational Companies and Reinforced Competition in the Enlarged European Union: European Neoliberal Governance and Beyond / B. Van Apeldoorn, J. Drahoкупил, L. Horn (Eds.). Basingstoke: Palgrave, 2008.
- Bohle D., Greskovits B. Capitalism without Compromise: Strong Business and Weak Labor in Eastern Europe's New Transnational Industries // Studies in Comparative International Development. 2006. № 41 (1).
- Bohle D., Greskovits B. Neoliberalism, Embedded Neoliberalism, and Neocorporatism: Paths Towards Transnational Capitalism in Central-Eastern Europe // West European Politics. 2007. № 30 (3).
- BVOC. Hankey B., Rouds M., Thatcher M. (Eds.). Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy. Oxford & New York: Oxford University Press, 2007.

- Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Cook L.J.* Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe. Ithaca: Cornell University Press, 2007.
- Dobry M.* (Ed.). Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe: Lessons for the Social Sciences. Dordrecht and London: Kluwer Academic Publishers, 2000
- Drahokoupil J.* Globalization and the State in Central and Eastern Europe: The Politics of Foreign Direct Investment. London: Routledge, 2008.
- Drahokoupil J.* After Transition: Varieties of Political-economic Development in Eastern Europe and the Former Soviet Union // Comparative European Politics. 2009. № 7 (2).
- EBRD. Transition Report 2001: Energy in Transition. London: European Bank for Reconstruction and Development.
- EBRD. Transition Report 2006: Finance in Transition. London: European Bank for Reconstruction and Development.
- EBRD. Transition Report 2007: People in Transition. London: European Bank for Reconstruction and Development.
- EBRD/WB. Fiscal Policy and Economic Growth: Lessons for Eastern Europe and Central Asia. Washington: International Bank for Reconstruction and Development and World Bank, 2007.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.R.* Making Capitalism Without Capitalists: Class Formation and Elite Struggles in Post-communist Central Europe. London and New York: Verso, 1998.
- Greskovits B.* The Political Economy of Protest and Patience: East European and Latin American Transformations Compared. Budapest: Central European University Press, 1998.
- Greskovits B.* Beyond Transition: The Variety of Post-socialist Development // From Liberal Values to Democratic Transition / R. Dworkin (Ed.). Budapest: Central European University Press, 2003.
- Greskovits B.* Leading Sectors and the Variety of Capitalism in Eastern Europe // Actes du GERPISA. 2005. № 39.
- Hankiss E.* East European Alternatives. Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Lopez-Claros A., Porter M.E., Schwab K., Sala-i-Martin X.* The Global Competitiveness Report 2006–2007. Basingstoke: Palgrave, 2006.
- Luebbert G.M.* Liberalism, Fascism, or Social Democracy: Social Classes and the Political Origins of Regimes in Interwar Europe. New York: Oxford University Press, 1991.
- Machonin P., Tuček M., Nekola M.* The Czech Economic Elite after Fifteen Years of Post-socialist Transformation // Czech Sociological Review. 2006. № 42 (3).
- Myant M.* The Rise and Fall of Czech Capitalism: Economic Development in the Czech Republic since 1989. Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2003.
- Nölke A., Vliegenthart A.* Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies. (Under review with word politics). 2007.
- Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. London: Macmillan, 1990.
- Staniszki J.* The Dynamics of Breakthrough in Eastern Europe. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Stark D., Bruszt L.* Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1998.
- Szelenyi I., Szelenyi S.* Circulation or Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe: Introduction Theory and Society. 1995. № 24 (5).
- TOSS. Lane D. (Ed.). The Transformation of State Socialism: System Change, Capitalism or Something Else? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

- UN. Statistical Yearbook. New York: United Nations, 2006.
- UNCTAD. World Investment Report: Transnational Corporations, Extractive Industries and Development. New York and Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2007.
- Vanhuysse P.* Divide and Pacify: Strategic Social Policies and Political Protests in Post-communist Democracies. Budapest and New York: Central European University Press, 2006.
- Vaughan-Whitehead D.C.* EU Enlargement Versus Social Europe? The Uncertain Future of the European Social Model. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.
- VOCIP. Lane D., Myant M. (Eds.). Varieties of Capitalism in Post-Communist Countries. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- WB. Developmental Indicators [CD-Rom]. Washington: World Bank, 2003.

*Перевод с англ. Д. Митяевой,
редактор перевода Г.А. Ястребов.*